

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

**СОЧЕЛЬНИК В
РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ**

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Сочельник в русской деревне

Аннотация

«Нет ничего неприятнее, как запаздывать к празднику, а особенно к такому, как сочельник. У нас, у южан, елка всегда в сочельник, и с раннего детства связаны с этим вечером воспоминания тихого семейного кружка, радостей елки, этих светлых радостей, не потерявших и теперь своей прелести и, главным образом потому, вероятно, что источник их – не «я» и не эгоистические инстинкты борьбы за существование, а радость и удовольствие других...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Гарин- Михайловский Сочельник в русской деревне

I

Нет ничего неприятнее, как запаздывать к празднику, а особенно к такому, как сочельник. У нас, у южан, елка всегда в сочельник, и с раннего детства связаны с этим вечером воспоминания тихого семейного кружка, радостей елки, этих светлых радостей, не потерявших и теперь своей прелести и, главным образом потому, вероятно, что источник их — не «я» и не эгоистические инстинкты борьбы за существование, а радость и удовольствие других.

Как ни опутывает тебя эта сеть мелких, пошлых дрызг будничной жизни, а в такой вечер все-таки отбросишь их и поживешь другою жизнью.

Сердце точно отходит, делается теплее, отзывчивее и сильнее тянет к людям.

Судьба забросила меня на север, где ни кутьи, ни елки нет в сочельник, но в своей семье я продолжаю строго придер-

живаться обычаям юга, и сочельник для меня дороже всех вечеров в году. Если к этому прибавить, что я вез с собою все нужное для елки, что мое сердце тоскливо сжималось от мысли, что дети напрасно прождут сегодня дорогого гостя, тревожно угадывая его в каждом шорохе извне, что так и спать лягут разочарованные, грустные... Если прибавить, что я ехал из Петербурга, из этого равнодушного мира холодной абстракции и рвался душой в тесный круг любящих людей, то, может быть, понятно будет все мое огорчение.

Уже начинались сумерки великого вечера, уже первая звезда блеснула в потемневшем небе, когда тройка дымящихся лошадей, увидев станцию, подхватила опять и понесла мой полукрытый возок каким-то надорванным карьером.

– Тпррру...

Это была предпоследняя станция. Я не хотел вылезать, сидел в облаках пара, ждал смены и отдавался своим впечатлениям, зажавшись в угол возка.

Какая-то обаятельная сила для меня в сочельнике! И здесь, даже в этой обстановке, он ощущался.

– Христа ради...

Предо мною стояла сморщенная старуха, и ее большие серые глаза как-то покорно-вымученно ждали ответа.

Я дал ей и следил, как она пошла от меня сгорбленная, приседая на правую, очевидно больную ногу.

Она исчезла в неясных сумерках темневшей улицы, а еще дальше вырисовывалась другая фигура – мальчика, перехо-

дившего дорогу, тоже с котомкой, очевидно не заметившего ни меня, ни сцены подачи милостыни.

Меня от нечего делать заинтересовал вопрос: укажет ли старуха мальчику на меня, или эгоистично пройдет мимо.

Старуха встретила, остановила мальчика и тихо, медленно пошла с ним назад ко мне. Мальчик доверчиво, послушно шел возле старухи. В сочетании их фигур было что-то и простое, и сильное, невольно тянувшее к себе.

Я с особенным удовольствием полез в карман.

– Праздничек, батюшка, – удовлетворенно произнесла старуха, наблюдая, как мальчик принял деньги и спокойно и аккуратно положил их в маленькую торбочку, привязанную к поясу.

– Сиротка... ни отца, ни матери... А их-то, деточек, сам-пять... Кормилец...

Тепло, ласково, точно любуясь, приподняла руку старуха на мальчика.

– И-и! горе-то, горе... Спасибо, родимый... в этакий праздник...

И умиленно, растроганно повторив: «великий, батюшка, праздник», – старуха зашагала дальше.

Мальчик еще раз взглянул на свою сумочку-котомку, еще раз аккуратно оправил ее; вскинул на меня своими большими глазами и зашагал деловитой, уверенной походкой взрослого человека, у которого спорится дело.

Дело?! Конечно, дело, к которому он и относится акку-

ратно, добросовестно и даже с любовью. А если это гадкое, скверное дело съест в нем со временем все то лучшее, чем наделила его природа, то уж это не его вина.

Опустела улица. Тихо, неподвижно. И я вспомнил невольно оживление в этот вечер в малороссийских деревнях: на улицах толпы паробков и дивчат, песни, колядки.

Степенный хозяин налаживал возок, разбирал вожжи, аккуратно закрутил концы их за выступ облучка, распорядился двумя сыновьями, выносившими сбрую и, кончив все, еще раз оправив вожжи и потрогав для чего-то оглобли, пошел, почесываясь, ко мне.

– Овсеца лошадам засыпал... побегут лучше... В избу бы, покамест что... самоварчик...

– Самовар готовый?

– Самовар – дело минутное.

Я тяжело выбрался из возка и с наслаждением вытянулся, разминая окоченевшие от двухсуточной езды члены.

Отвратительное ощущение от такой езды – точно какая-то ледяная кора нарастает, и вы все глубже и глубже уходите куда-то внутрь этой коры. Точно и не вы уж, а кто-то другой и сидит и смотрит остановившимися глазами. Временами не то сон, не то дрема вдруг спустится, захватит вас и сразу оторвет и мысль и сознание, и опять выпустит. И сидишь, прижатый, и смотришь в эту бледную, мутно-молочную ночь. Лютят и звенят колокольчики, разливаются и дрожат в мерзлом воздухе и уж, кажется, несутся из этой

прозрачной, там глубже, розовой мути. И в этом розовом блеске чудится целый город, многоэтажные дома с рядами теплых окон. И вдруг мелькнет в них огонек и потянет к себе... Смотришь: нет, это не город, – это волны холодного тумана и не огонь в окне: это звездочка сверкнула с недосыгаемой выси небес на белую, в саване, даль. И еще скучнее, еще неуютнее станет: лежишь, как мертвец, парализованный и только в каком-то отвлечении сознаешь, что живешь.

Зато хорошо в теплой, светлой избе. Ласковые приветливые лица. Хозяйка старуха стоит и снисходительно смотрит, поджав плотно руки, как меня раздевают. Другая баба, молодуха, – у перегородки, с печки глядит третья с бледным, испитым лицом, а за ней куча ребятишек выглядывает.

Это не радушие хохлов, – сдержанность проглядывает в каждом движении; но приветливость чувствуется.

В избе идет какой-то разговор. Чувствуется во всех какое-то особое удовлетворение и особенно в хозяйке. Она то разведет руками, то плотно-плотно прижмет их и задумается, и опять, точно вспомнив что-то, как-то удовлетворенно оживится, разведет руками и заговорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.